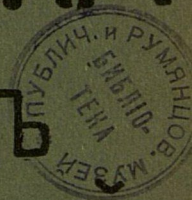

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 14.
15 ІЮЛЯ
1911 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ VI.

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

Адресъ редакціи и конторы: Спб. Вознесенскій, 36, кв. 26. Телефонъ 497—55.

Безобразова М. С. „Исторія одного воробья“. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к. *Одобрено* для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для учен. библ. низшихъ учебн. заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Богоявленская О. А. „Напѣль“. Стихотворенія. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к. *Одобрено* для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для учен. библ. низшихъ учебн. заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Кондурушкинъ И. С. „Въ деревнѣ“. Разказы и сказки. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Нуринъ А. И. „Слонъ“. Съ рисунками. Цѣна 25 к. (Все издавіе разошлось).

Нэрроллъ Льюисъ „Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ“. Любимая книга англійскихъ дѣтей. Переводъ Allegro. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 1 р., въ папкѣ 1 руб. 25 коп.

Лондонъ Джозъ. „Букъ“. Исторія одной собаки. Переводъ Н. Манасеиной. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к. *Одобрено* для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.* *Допущено* въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ для III—V классовъ.

Малахова-Миревичъ В. Г. „Золотой домъ“. Сборникъ разказовъ. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ папкѣ 1 р.

Одобрено для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Императрицы Маріи.*

Манасеина Н. И. „Разказы для дѣтей“. Со многими рисунками. Изданіе 2-е. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к. *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.*

Одобрено для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Манасеина Н. И. „На Рождествѣ“. Три разказа. Съ рисунками. Изданіе 2-ое. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ учебныя библиотеки низшихъ училищъ и *признана заслуживающей вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ.*

Одобрено для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Допущено въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Манасеина Н. И. „Мамино дѣтство“. Разказъ изъ институтской жизни. Съ отдѣльными рисунками на мѣловой бумагѣ. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Подьяновъ В. П. „Воронъ.—Индѣйцы“. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ учебныя библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

1911 годъ.

Юль № 14.

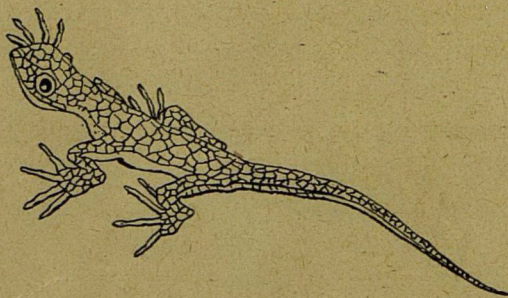
ЖУРНАЛЪ
ТРОПИНКА.

И-1782

Содержаніе.

1. Косатка—разсказъ *Евг. Иванова*.
2. Цербетская принцесса (повѣсть изъ юности Екатерины II)—*Н. Манасеиной*. Съ рисункомъ *Т. Гиппиусъ*.
3. Дождевой червякъ и аистъ—разсказъ *Эвальда*. (*Окончаніе*). Съ нѣмецкаго перевелъ *К. Крымовъ*.
4. Пастушка—повѣсть *Маргариты Оду*. (*Продолженіе*).
5. Изъ природы.
6. Ребусъ № 6.
7. Шарады.

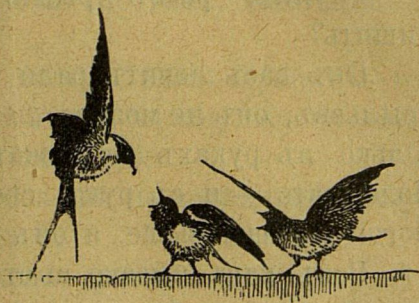
Косатка.

Онѣ летали такъ высоко, такъ высоко, что, казалось, таяли въ знойной высотѣ... ласточки, ласточки!

Вотъ одна метнулась внизъ, и ей навстрѣчу изъ-подъ крыши дачи съ крикомъ распялились три желтыхъ рта... Птенцы! Каждый то ротъ кормомъ заткни, уйми: орутъ.

Одинъ затихъ, другой затихъ, третій затихъ... Довольны.

Она же, сердечная, снова несется въ высь, ловя толстопузыхъ мухъ, долговязое комарье... Мать.

А знойно, здѣрово знойно.

Все печется на солнцѣ, припекается: и садъ, и дворъ, и дача съ накалившимися до пузырей стѣнами и крышами.

И жарится на самомъ солнцепекѣ, вотъ ужъ битый часъ, рыжій гимназистъ лѣтъ двѣнадцати, съ лицомъ краснымъ отъ загара, какъ вареная лососина.

Сидитъ рыжій на крыльцѣ дачнаго балкона, держитъ въ рукахъ длинную веревочку, привязанную къ палочкѣ, которой подперто рѣшето; воробьевъ ловить: выдернетъ палочку изъ-подъ рѣшета, оно и хлопнется на земь, чтобъ накрыть зазѣвавшася надъ кормомъ воробья. Да только что-то ни одинъ воробей въ ловушку не попадается.

Правда, говорятъ, стараго воробья на мякинѣ не проведешь, но, вѣдь, подъ рѣшетомъ не мякина, а каша (притомъ же пшенная, превкусная), и вокругъ рѣшета, надувшись,

какъ одуванчики, прыгали и вспархивали воробьи совѣмъ не старые, а все молодежь. Но, несмотря на все это, никто не попадался рыжему подъ рѣшето.

Однако берегитесь: рыжему досадно попусту время проводить, жарясь на солнцепекѣ, онъ выйдетъ изъ себя и тогда приметъ крутыя мѣры; онъ можетъ, напрімѣръ, въ васъ камнемъ запустить: зачѣмъ вы ему въ руки добромъ не даетесь.

Глупые, развѣ рыжій хочетъ навѣкъ васъ свободы лишить?

Онъ васъ ловить ради вашихъ крыльевъ; у рыжаго нѣтъ крыльевъ, онъ не можетъ летать. Поэтому ему хочется хотя бы только въ рукахъ поддержать васъ, летающихъ, крылатыхъ. Поддержать — и съ рукъ своихъ отпустить: летите себѣ съ Богомъ выше, выше, а онъ вообразить, что летитъ съ вами.

Вонъ, какъ высоко вьются ласточки, ныряя въ небесномъ океанѣ. О, если бъ ихъ крылья ему! Но ласточку не поймашь; и воробья то не словить, а ласточка — это что-то недосыгаемое.

Впрочемъ странно было бы, если бы птицы поняли, что забралъ себѣ въ голову рыжій: его и родные то не понимали, относясь неодобрительно къ его птицеловству, какъ затѣвъ пустой и жестокой; а рыжій толкомъ ничего объяснить тутъ не могъ, только ногами подъ столомъ болталъ, да на всѣ разпросы рожи въ отвѣтъ строилъ: возрастъ ужъ былъ такой.

Деньки стояли страдные: недѣлю, другую—ни обложка, ни вѣтерка: душно-жарко. Солнце, какъ красное блюдо, съ утра до вечера вяло ползало по мглистому отъ зноя небу, и ночь не приносила отрадной прохлады, лишь вызывая досаду бездыханностью своей.

Рыжій упрямъ: по прежнему цѣлыми днями сидитъ онъ

со своимъ рѣшетомъ—ловушкой, припекаясь на жарѣ— и все попусту. Воробьи порхаютъ кругомъ, кормъ изъ-подъ ловушки выхватываютъ, а въ ловушку не попадаютъ.

Берегитесь! рыжій отъ жары, духоты, отъ постоянной неудачи съ каждымъ днемъ глядитъ все мрачнѣй и мрачнѣй. И сталъ онъ мраченъ, какъ Каинъ-братоубійца, и камень за пазуху положилъ для васъ... берегитесь!

Сидятъ себѣ воробьи на кустѣ бузины—чирикаютъ.

Вечеръ. Хоть и душно, но все же не такъ, какъ днемъ. Чирикаютъ.

Вдругъ—шорхъ!.. камень по листвѣ. Какъ шрапнель въ бою свиснула, дождь листьевъ сорвавъ, и хлопнулась на земь. Это рыжій камнемъ въ воробьевъ запустилъ.

Фыркнувъ, въ сторону метнулись они на сосѣдную березу. Никто не убить, но могъ быть убить...

И сталъ тогда для воробьевъ рыжій совсѣмъ „чужимъ“.

Сидитъ онъ теперь съ рѣшетомъ своимъ одинъ одинешенекъ. Ни одинъ воробей весь день и близко не подлетитъ къ нему, сторонятся, какъ отъ пугала.

И еще несноснѣе рыжему, и еще нестерпимѣе жара, еще душнѣе кажется ему.

Безконечны страдные дни: сохнетъ все отъ засухи знойной, истомилась природа, и даже звонъ немолчныхъ кузнециковъ осипъ отъ жары въ поляхъ. Хоть бы гроза поскорѣй пришла, освѣжила бъ истомленную жизнь... хоть бы гроза поскорѣй.

Ага! вотъ и она!

Тамъ, гдѣ гаснетъ багряная заря, изъ-за лѣса далекаго поднимается чернымъ-черная гора.

Гора то не гора—туча грозная.

Растеть, грядеть на небесную высь, и встрепетала ночь от зарницъ ея.

Чу, громъ зарычалъ вдаль... И замерло все, стало безмолвно; лишь едва слышно прошелестить трепетная осина въ мрачно насупившемся саду, словно переводя духъ, тревожно прошепчуть молитву уста.

Ближе надвинулась туча-гора. Съ ея черныхъ громадь, какъ Змѣй-Горынычъ, скользнетъ молнія, и гуломъ загудятъ небеса. На землѣ же еще глубже безмолвіе ожиданія.

Вонь, какъ загромозила небосклонъ, нависла черной пещерой, и край ея, словно пѣнный валъ, бѣжитъ надъ головой... и вдругъ...

А-ахъ! Свѣтъ, свѣтъ, свѣтъ!

Молніей небо разверзлось и какъ грянетъ неистовый громъ— „съ нами крестная сила!“

И ужъ нѣтъ безмолвія на землѣ... Кто-то шепчетъ, мчится по ней... Ливень, буря!

Началось!

Блещетъ, рвется все кругомъ; хлещетъ въ вихрѣ неистовый ливень, реветъ подъ нимъ желѣзная крыша балкона, заглушая грохотъ громовъ.

И садъ и домъ, какъ околдованы, стоятъ въ волшебномъ сверканьи подъ водяною сѣтью дождя.

Во мгновенье дорожки сада обратились въ стремительные потоки, уносящіе все, что срывалъ бѣшенный вихрь, ливень: листья, вѣтви и птенца, выхваченнаго бурей изъ-подъ кровли... Боже мой, Боже мой!

Вотъ стихаетъ. Ливня ужъ нѣтъ, но страшны еще раскаты громовъ; ослѣпительно разверзнется небо... мигъ, и снова крошечная тьма.

Только за полночь открылись звѣзды въ вышинѣ, и мѣсяць озарилъ до черна измокшій садъ и дачу...

Все облегченно вздохнуло и заснуло покойнымъ сномъ...

Лишь порой небо еще вспыхнетъ зарницей отъ края, гдѣ лежатъ тяжелыя горы ушедшей грозы, и въ царящемъ кругомъ безмолвіи покоя слышно только, какъ въ поставленную подъ кровельный желобъ лейку капаетъ капля: у-мъ—ум-мъ.

Ночь прошла, и какъ утро свѣже, какъ утро молодо!

Только бы цѣтъ, прыгать, летать такимъ утромъ. И все пѣло, прыгало и летало.

И рыжій, рано проснувшись, въ прискочку бѣжалъ съ балкона по саду, что-то распѣвая нелѣпо, но весело.

Все душное, скучное, налегшее на душу съ пылью знойныхъ дней, точно смыло ночнымъ ливнемъ и унесло далеко прочь.

Казалось, въ такое утро и всѣмъ должно быть хорошо, всѣмъ весело, но это было не такъ.

Въ травѣ, въ концѣ сада, куда мчались бѣшеные потоки ночной грозы, лежала молоденькая косатка-ласточка.

Съ ночи она лежитъ здѣсь. Буря снесла ее сюда неистовымъ порывомъ, повредивъ крылышко и лапку.

Она не понимаетъ, что случилось съ нею. Ей странно, отчего она не можетъ подняться и летѣть, и ей страшно, что всѣ усилія ея летѣть тщетны, что она не можетъ освободиться отъ чего-то, мѣшающаго ей, и падаетъ въ изнеможеніи.

А рыжій въ это время мчится по дорожкѣ сада мимо нея. Она увидѣла его, такого большого, большого для нея и вся припала къ землѣ въ страхѣ, притаилась...

Но рыжій видитъ, рыжій замѣтилъ.

Ласточка! птица поднебесная!

Онъ кинулся къ ней, поднялъ... Жива! Живая ласточка у него въ рукахъ: какое счастье! Это, вѣдь, мечта рыбаго, хотя бы только въ рукахъ подержать крылья, взвивающіяся подъ небеса. Онъ и воробья то не могъ поймать, а вотъ— ласточка, и у него въ рукахъ!

Бѣдная, у нея крылышко вывихнуто и лапка, но это ничего, онъ вылечитъ, выводитъ ее, она полетитъ, взвѣется въ высь свободно. Господи, только бѣ осталась жива!

И рыжій бѣжитъ съ нею къ балкону.

Ласточка трепещетъ отъ страха, стараясь вырваться изъ охватившихъ ее съ головою ладоней.

Онъ притащилъ ее на балконъ. Досталъ лучинную корзину съ высокими краями, сдѣлалъ жердочку; посадилъ на нее косатку... Домъ!

Не надо клѣтки. У клѣтки жерди мѣшаютъ на небо свободно глядѣть, а надъ корзиной жердей нѣтъ. Зачѣмъ жерди? И такъ не улетитъ бѣдная косатка. Пусть же хоть свободно на небо посмотреть, пока поправляется крыло.

Какая она молоденькая. Должно быть только начала летать. Еще и ѣсть и пить безъ помощи родителей не можетъ. Еще и шейка у ней чуть-чуть розовѣетъ и ротикъ—совсѣмъ желтый ротикъ, какъ у птенцовъ.

Голодна! Навѣрно голодна. Столько времени пробыться въ травѣ безъ корма; вѣдь, сама она не могла пищи найти, а родители не прилетали кормить ее.

Голодна, но какъ кормить ее, поить? Изъ блюда, поставленнаго къ ней, она не пьетъ, мухъ словленныхъ—не клюетъ.

— Бѣдная, она не будетъ жить, — говорятъ рыжему родные.

— Ласточка—птица вольная, не вынесетъ она неволи.

И какъ будешь кормить ея? Съ рукъ она не будетъ ѣсть: дика, а сама ловить не сможетъ безъ крыла. Она зачахнетъ, не будетъ жить.

Но что же дѣлать? На волю выпустить ее нельзя: погибнетъ отъ голода и жажды: кто напоить ее, накормить, кто защититъ ее отъ хищной птицы или отъ кота, забредшаго случайно изъ деревни? Съѣсть, погубить ее всякій, кому только не лѣнь.

Кругомъ стоитъ все тотъ же ясный день, по-прежнему все свѣжо, молодо, ликуеть, но рыжій снова мраченъ.

Неужели погибнуть ей, неужели хоть насильно нельзя ей пищу и питье въ ротъ положить?

А ласточка межъ тѣмъ, страхомъ томясь, прижалась къ краю корзинки, дома своего.

И вотъ, что пришло въ голову рыжему. Замѣтя, что каждый разъ, какъ онъ случайно приближалъ къ ней руку, она съ крикомъ открывала ротикъ на него, рыжій вспомнилъ, что, вѣдь, съ такимъ же крикомъ открываютъ птенцы рты свои навстрѣчу подлетающей къ нимъ съ кормомъ матери.

Что, если, пользуясь мгновениемъ, съ налету поднести къ открытому рту кусочекъ мухи или на кончикѣ пальца каплю воды и сунуть туда пока онъ открытъ?

Попробоваль—и удалось великолѣпно.

Муха была проглочена, и капля воды съ конца мизинца проглочена. Великолѣпно!

О! ее теперь можно поить, кормить. Она будетъ жить, жить. Она полетитъ, онъ выводитъ ее.

И все снова радостно для рыжаго ожило, и онъ прыгалъ, смѣясь, по саду.

Разъ она ѣсть, пьетъ, тогда ужъ онъ ее спасетъ! Онъ за ней будетъ ходить, какъ за родной, никому въ обиду не

дасть, пусть сунется теперь котъ или ястребъ, пусть только сунуться попробуетъ.

Для рыжаго съ этого дня—новая жизнь.

Ужъ онъ не ловить воробьевъ. Зачѣмъ? Съ нимъ, вѣдь, крылья; и какія крылья—ласточки!

И теперь, когда на душѣ у него свѣтло, какой жестокостью кажется ему бросить въ птицъ камнемъ, какъ онъ могъ довести себя до этого?

Съ ласточки онъ глазъ не спускаетъ, поить, кормить, и вольная птица ужъ не боится его, вольная птица привязалась къ нему и какъ смотритъ, какъ смотритъ! Точно лаской отвѣчаетъ на ласку.

Всѣ родные рыжаго полюбили ее, привязались къ ней. Да и какъ не полюбить милую косатку съ темносиними крылышками, съ розовой шейкой, съ хвостомъ, точно двѣ косы, спускающіяся за спиною; какъ не полюбить эти глаза, глядящія по дѣтски задорно!

О рыжемъ и говорить нечего, онъ души въ ней не чаетъ, на рукахъ ее носить; она не боится на рукѣ его сидѣть у такого большого, большого для нея, любить даже, рада.

Одною мечтою жили они—летѣть: какъ бы крылышко только поправилось.

Посадивъ ее на палецъ, рыжій поднималъ и опускалъ съ нею руку; косатка, удерживаясь на пальцѣ, махала крылышками. Такъ думалъ онъ развить, не дать ослабнуть нелетающимъ крыльямъ.

Онъ гулялъ съ нею по саду, къ цвѣтамъ подносилъ, на вѣточки сажалъ, птицамъ кормъ бросалъ; простили воробьи рыжему брошенный камень, слетались стаями, ласточку развлекали.

И когда приходилось рыжему, отправляясь на далекую

прогулку, оставлять ласточку дома, въ ея глазахъ, всегда веселыхъ, вдругъ точно слезы прощанья, точно, прощаясь, говорила она: „ну что, рыжій, когда увидимся? скоро ли придешь?“ и ждетъ, ждетъ его возвращенія.

Возвратясь, онъ прежде всего къ ней, она же—какъ рада она его возвращенію: бѣжитъ, бѣжитъ, по краю корзинки ласточками топчетъ-перебираетъ и крылышки поднимаетъ, точно ручками обнять его хочетъ.

Руки протянетъ онъ, она по рукъ, по груди на плечо къ нему взберется, къ шеѣ его прижметъ вся, точно хочетъ сказать: „милый мой, родной мой“.

И глаза у ней, глаза... какъ странно смотрять эти глаза! Да полно, птица ли ты? Кто ты, милая моя, родная косатка?

Такъ сидѣли однажды они вдвоемъ на террасѣ балкона, рыжій и ласточка, прижавшаяся къ шеѣ его; сидѣли и смотрѣли на раскрывающуюся передъ ними даль съ полями, озеромъ и лѣсами, такими ясными, такими прозрачными, какими бываютъ они въ отраженіи зеркальныхъ чистыхъ водъ.

Надъ ними—синимъ-синее небо свѣжаго августовскаго дня съ мѣрно плывущими по нему, какъ льдины половодья, облаками. И было обоимъ до невозможнаго хорошо.

И казалось рыжему, что синимъ-синее небо наполняетъ ихъ обоихъ, и бѣлоснѣжныя облака подхватили ихъ на себя, и плывутъ они на нихъ мѣрно, плавно, куда-то въ неизреченную даль, надъ полями, надъ лѣсами, надъ синими водами, подъ синими небесами; и такъ невозможно хорошо имъ вдвоемъ.

Да, вѣдь, это крылья! Мечта на яву...

Но кто знаетъ, что станется съ нами черезъ часъ...

Ихъ окликнули и сразу вернули рыжаго на землю.

Ласточка все же оставалась птицею, а люди были людьми. Пришла пора обѣдать, и рыжаго, окликнувъ, звали обѣдать.

За обѣденнымъ столомъ рыжій съ ласточкой не сидѣлъ. Онъ относилъ ее на верхъ въ свою комнату, запирая окна и двери отъ хищныхъ посѣтителей. Тамъ, въ ожиданіи его возвращенія, она въ перевалку разгуливала по полу комнаты.

Такъ случилось и на этотъ разъ. И вотъ, на бѣду, попался ей на глаза лежащій на полу волосъ, и она, вѣрно побуждаемая инстинктомъ вить гнѣзда, схватила его и нечаянно проглотила конецъ.

Въ это время приходитъ снизу рыжій провѣдать косатку свою, и вотъ она бѣжитъ къ нему навстрѣчу, глаза веселы, а изо рта волосъ торчитъ.

Вскрикнулъ рыжій, подбѣжалъ къ ней, хочетъ волосъ отнять, чтобъ не проглотила, а волосъ то ужъ вытащить нельзя—проглочень.

Держить онъ ее на рукахъ, весь отъ ужаса похолодѣлъ, и самъ не знаетъ, что ему тутъ дѣлать.

А волосъ то видно ужъ душить ее начинаетъ.

Рада она рыжему, смѣются глаза и вдругъ затуманятся,— больно, душно, и не понимаетъ бѣдная, отъ чего такъ съ нею.

Въ отчаяніи потянулъ онъ волосъ, и вотъ—нѣтъ силъ вынуть, и оборвался волосъ, какъ послѣдняя надежда.

А она вся ужъ трепещетъ и вырваться хочетъ прочь. То глаза закроетъ, то откроетъ, и тревога, тоска въ ней смертельная: видно, волосъ порѣзалъ ей нутро.

Затрепетала, забила вся, глазки открыла послѣдній разъ и такъ посмотрѣла въ душу рыжему, точно оружіемъ сердце ему на всю жизнь пронзила взглядомъ первой любви и первой смерти...

Послѣдній вздохъ—и закрылись глазки навѣкъ. И точно слеза на вѣкахъ, слеза прощанья съ утраченной жизнью.

Да полно, птица ли ты? Кто ты, милая, родная косатка? Прости до новаго свиданія...

Евг. Ивановъ.

Цербетская принцесса.

(Продолженіе).

И въ гостиной и въ кабинетѣ собирались люди, которые видѣлись другъ съ другомъ каждый день и жили безвыѣздно въ Цербетѣ, гдѣ ничего особеннаго не случалось, а о томъ немногомъ, что случилось, успѣли переговорить уже по нѣскольکو разъ. И вотъ, для развлеченья, въ гостиной придумали какъ-то перебирать, за кого бы выдать Фикке замужъ. Заговорили при самой же Фикке, которая въ первую минуту даже испугалась и смутилась. Конечно, она была взрослой и считала себя взрослой, но уже не до такой же степени. Однако Юганна-Елизавета сказала, что она сама вышла замужъ пятнадцати лѣтъ, а были принцессы, которыя выходили и еще раньше.

— Все зависитъ отъ счастья, отъ случая,—вставила принцесса Августа и вздохнула.

А вдовствующая принцесса замѣтила:

— Фикке будетъ трудно выдать замужъ. Бѣдному принцу нужна жена, которая бы своимъ богатствомъ и вліяніемъ подняла его значеніе, а богатый и вліятельный всегда ищетъ для себя ровню.

Это замѣчаніе положительно не понравилось Юганнѣ-Елизаветѣ. Она нашла нужнымъ напомнить, что ея Фигхенъ изъ гольштинскаго самага древняго дома въ Европѣ. Ея родной

дядя король шведскій, а кузень—наслѣдникъ русской императрицы. Выходило такъ, что Фикке невѣста съ большими связями.

Для самой Иоганны-Елизаветы это стало ясно только теперь. Мысль ея подъ впечатлѣніемъ этого пріятнаго открытія заработала быстро и смѣло. Передъ ней вереницей проходили всѣ извѣстные ей женихи. На болѣе видныхъ она останавливалась и произносила ихъ имена вслухъ:

— Принцъ Брауншвейгскій... Гейнрихъ Прусскій..

— Петръ-Ульрихъ, наслѣдникъ русской императрицы,— съ нескрываемой насмѣшкой вставила вдовствующая.—Его вы какъ разъ и забыли, а женихъ самый блестящій.

Фикке вздрогнула, широко открыла глаза, но не видѣла ни матери, ни тетокъ, и что говорили онѣ не слышала.

Отъ надвигавшейся бури зашумѣли деревья эйтинскаго парка. Молнія огнемъ прорѣзала черное небо. Испуганный мальчикъ схватился за портьеру тонкими слабыми пальцами... Знакомая жалость, только болѣе острая, чѣмъ всегда, сжала сердце. Но это продолжалось одно мгновеніе. Фикке вспомнила, что съ Петромъ-Ульрихомъ царевна. Она любитъ, ласкаетъ его.

А за столомъ все говорили о своемъ.

Иоганна-Елизавета, желая отомстить вдовствующей принцессѣ за насмѣшку, неприятно подчеркивая слова, распространялась о владѣтеляхъ, у которыхъ всѣ владѣнія въ землѣ подъ замкомъ, и какой-нибудь десятокъ слугъ—всѣ ихъ подданные.

Намекъ былъ слишкомъ ясенъ. Она пропустила только мельницу. У отца вдовствующей принцессы была еще мельница.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончился разговоръ, если бы, на этотъ разъ очень кстати, не вмѣшалась принцесса Августа.

Она напомнила что племянница ея еще чрезвычайно молода, такъ молода, что всякіе споры и соображенія относительно брака являются болѣе, чѣмъ преждевременными,—Фигкенъ еще можетъ долго, долго ждать...

Принцесса Августа втайнѣ надѣялась, что разговоръ перейдетъ на нее. Вѣдь, время ея давно пришло, и ждать „долго, долго“ она больше не могла. И, когда этого не случилось, во всей ея склоненной надъ работой фигурѣ выразилось такое безнадежное уныніе, что Фикке стало ее жаль. Она поняла, что въ эту минуту принцессѣ было ясно, что о ней говорить уже поздно.

Бѣдная! Прожила цѣлую жизнь въ Цербетѣ и все ждала, а теперь и ждать уже нечего.

На другой же день Фикке пришла къ Бабетъ съ такимъ видомъ, что та сразу поняла, что ей надо говорить съ ней объ очень серьезномъ.

Комнаты ихъ были рядомъ, въ концѣ дома, какъ разъ у выхода на лѣстницу въ церковь. Черезъ коридоръ отъ нихъ помѣщалась маленькая Елизавета. Она была тихая дѣвочка, и ее было почти не слышно. Комнаты около церковной лѣстницы были самыми тихими, окнами выходили прямо въ садъ.

Подходило Рождество, и садъ стоялъ весь бѣлый отъ снѣга. Изъ окна Бабетъ было особенно красиво. Можетъ быть, потому, что она умѣла уютно устраивать все вокругъ себя. Ставила всегда пальцы у окна такъ, чтобы за работой видѣть и снѣгъ, и деревья, и небо. И для Фикке у нея всегда было наготовѣ уютное мѣстечко. Рядомъ съ Бабетъ всегда дышалось хорошо и покойно, потому что душа у нея была добрая и ясная. И по своему пути въ жизни она шла съ сознаниемъ, что именно этотъ путь для нея настоящій путь. Фикке она воспитала, отдала ей все свои знанія, постаралась вложить

въ нее все лучшее, что было въ ней самой. Долгъ свой Бабеть исполнила, силы трудиться у нея еще есть. И она будетъ трудиться. Будетъ трудиться потому, что это долгъ всякаго человѣка и еще потому, что у нея много бѣдныхъ родныхъ. И это тоже ея долгъ—помогать жить другимъ.

— Садись, Фикке, — предлагаетъ Бабеть и подвигаетъ ей стуль.—Что скажешь? У тебя такое лицо, точно случилось что-то очень важное.

— Ахъ, ровно ничего не случилось и это, пожалуй, самое важное, что ничего не случилось.

Фикке садится и съ нахмуреннымъ лицомъ смотреть въ садъ, но глаза ея ничего не видятъ.

— Въ Цербстѣ никогда ничего не случается, Бабеть, и, кажется, никогда ничего и не случалось. Въ другихъ мѣстахъ люди живутъ, а здѣсь отъ жизни, настоящей жизни, точно слышишь одно отдаленное эхо. Учиться, расти здѣсь было бы, пожалуй, и не дурно, но попасть сюда, когда я выросла, это просто ужасно, Бабеть! Цѣлую жизнь въ Цербстѣ! Эта мысль сводитъ меня съ ума.

Фикке говоритъ все это съ отчаяніемъ, но оно нисколько не передается Бабеть. Она тольکو смѣется:

— Цѣлую жизнь прожить здѣсь! Это уже слишкомъ. Очень надѣюсь, что этого не случится съ тобою, Фикке.

У Бабеть дрожитъ верхняя губа. Но Фикке все равно.

Пускай Бабеть смѣется. Она должна кому-нибудь сказать все, что ее мучитъ.

— А тетя Августа, вѣдь, прожила же цѣлую жизнь въ Цербстѣ?

— Принцесса Августа—это другое дѣло. У нея шрамы...

— А принцесса Анна?—перебываетъ ее Фикке.—Она то была почти красавицей. А мамины сестры въ монастырѣ?

Онѣ обѣ были красивыя, и что же? Тетя Гедвига къ тому

же еще и очень образованная. А теперь, какой ужас эти ея жирные мопсы, съ которыми она никогда не расстаётся! Это хуже птичника тети Августы. А что, если и я стану такой же? И стану, непременно стану! — почти кричить Фикке. — Сдѣлаюсь, какъ онѣ, если меня забудутъ въ Цербстѣ.

Цѣлую жизнь въ Цербстѣ! Эта мысль сводитъ меня съ ума.

— Забудутъ? Это ты про что, Фикке?

— Да, вотъ, Кайнъ говоритъ, что цербстскія принцессы уѣзжаютъ отсюда только въ тѣхъ случаяхъ, когда на нихъ женятся. И вдругъ меня забудутъ... вспомнятъ, а принцессѣ уже пятьдесятъ лѣтъ...

Эти послѣднія слова кажутся смѣшными уже не одной Бабетъ. И она, и Фикке—обѣ смѣются до слезъ.

Забутая принцесса! Чего только не придумаетъ Фикке.

Бабетъ ручается ей, что человѣкъ не можетъ быть забытымъ, если только онъ самъ помнить о себѣ, самъ дѣлаетъ себѣ жизнь, а не ждетъ, чтобы ее устроилъ кто-нибудь другой. Забутая принцесса! Только спящая красавица ждала, чтобы ее разбудилъ принцъ. Но, вѣдь, это сказка. Люди должны жить по другому.

— Не знаю еще, какъ проживу я свою жизнь, Бабетъ,—говоритъ Фикке,—но знаю одно: жить такъ, какъ жили наши цербстскія принцессы,—я не могу и не стану. Цербстъ это не мое царство, а гдѣ это мое царство, мое настоящее прекрасное царство—я не знаю.

— Ахъ, опять...—начинаетъ Бабетъ. Но Фикке хочетъ прекратить разговоръ. Она смотритъ въ окно на свѣтло-голубое небо и блестящій подъ солнцемъ снѣгъ.

— Блеститъ, какъ толченый сахаръ,—говоритъ она.—Чувствуете, вы Бабетъ, что Рождество подходитъ? Первое Рождество въ замкѣ.

— Ты, кажется, уже готова начать жалѣть о тѣхъ увеселеніяхъ, которыя гдѣ-то будутъ безъ тебя?—говоритъ Кардель.—А ты сдѣлай такъ, чтобы твой праздникъ сталъ такимъ прекраснымъ, какимъ ты только можешь его сдѣлать. Устроимъ хорошую ёлку и такъ, чтобы всѣмъ были подарки. Ёлка въ замкѣ! Это чего нибудь да стоитъ.

Фикке вскочила и захлопала въ ладоши.

— Отлично—ёлка въ замкѣ. Это будетъ превесело. Миѣ такъ давно хочется что-нибудь дѣлать, устраивать.

И она вдвоемъ съ Бабетъ съ такимъ увлеченіемъ захлопотала объ ёлкѣ, что увлеченіе это постепенно передалось всѣмъ въ замкѣ.

Вмѣсто вышиванья и вязанья, въ гостиной вечерами стали готовить подарки. Сначала думали только о своихъ, домашнихъ, потомъ рѣшили сдѣлать ёлку и для слугъ, а потомъ заговорили о томъ, чтобы зажечь ёлку для городскихъ дѣтей. И дѣла и хлопотъ съ этими планами появилось такъ много, что ни ссориться, ни перебирать жениховъ было некогда: думали только о томъ, чтобы со всѣмъ поспѣть во-время.

Отъ близкаго праздника точно пахнуло новой жизнью.

Весь домъ готовился къ чему-то торжественному, чего-то ждалъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дождевой червякъ и аистъ.

(Окончаніе).

НО что же я могу рассказать такого, что можетъ занять вашу милость?—скромно спросилъ червякъ.—Съ самаго рожденія до тѣхъ поръ, пока меня кто-нибудь не съѣстъ,—я перерабатываю землю, все копаю канавки...

— Вотъ оно что!—сказалъ аистъ.—Такъ это ты копаешь канавы? Вотъ тѣ, въ которыхъ лягушки?

— О, нѣтъ!—отвѣтилъ червякъ.—Я не занимаю такой важной должности. Я копаю подъ землей крошечные переходы, совсѣмъ маленькіе, но по всѣмъ направленіямъ.

— А какая же отъ тебя тогда польза? Ну, мнѣ, аисту, напримѣръ, какая отъ тебя польза?

— Ахъ,—вздохнулъ червякъ,—во-первыхъ, ваша милость всегда можетъ меня съѣсть, когда это ей заблагоразсудится.

— Это я и самъ знаю,—проговорилъ аистъ и откинулъ назадъ голову.—Не слѣдовало бы такъ часто напоминать мнѣ объ этомъ. Ну, а еще какая отъ тебя польза?

— А та еще, что я дѣлаю землю годной, чтобы на ней могли расти цвѣты и трава и всякія растенія. А на растеніяхъ живутъ насѣкомыя, а насѣкомыми питаются лягушки, и не только лягушки, но и вы со всѣми высокорожденными членами вашей семьи. Вѣдь, вы тоже поѣдаете ихъ, когда вамъ заблагоразсудится спуститься внизъ.

— Неужели ты полагаешь, что я не знаю всего этого самъ?—спросилъ аистъ, поднявъ ногу и съ важностью уставившись въ пространство.—Мнѣ хотѣлось только провѣрить твои знанія. А что, расскажи-ка мнѣ, дѣлаешь ты съ землею, чтобы она стала годной для растеній?

— Я переносу землю, которая лежитъ глубоко внизу, наверхъ, на солнце, на воздухъ, на дождь, а ту, которая лежитъ сверху я переносу внизъ. Такимъ способомъ я се мѣшаю, обмѣниваю и выхожу...

— Это очень разумно, — одобрилъ аистъ. — Ну, а дальше что?

Земляной червякъ быстро подползъ поближе къ аисту и продолжалъ свой рассказъ. Онъ не привыкъ къ тому, чтобы его охотно слушали.

— Развѣ вы никогда не замѣчали, что увядшіе листья иногда закручиваются въ видѣ рожка и стоятъ нижнимъ концомъ въ землѣ? Это я такъ дѣлаю. Дѣлаю я это ночью, когда темно и тихо, и никто меня не можетъ обидѣть. И на

слѣдующую ночь я продолжаю свою работу, засовываю листъ глубже въ землю и работаю такъ до тѣхъ поръ, пока листъ не очутится совсѣмъ подъ землей. Тогда я уже перерабатываю его въ удобреніе.

— Все, что ты рассказываешь, въ высшей степени меня интересуетъ,—проговорилъ аистъ.

— Ахъ, если бы всѣ были такъ снисходительны, какъ ваша милость. Конечно, я этого не ставлю себѣ въ заслугу, потому что другіе могли бы рассказать все это вамъ гораздо лучше, чѣмъ я. Но, вы представьте только себѣ, до какой степени мнѣ тяжело. Я прилежный труженикъ, думаю только о своемъ дѣлѣ, никому не дѣлаю ни малѣйшаго вреда, а между тѣмъ меня всѣ презираютъ, всѣ преслѣдуютъ. Избави Господи всякого отъ такого положенія! И ко всему этому, если такому червяку, какъ я, случится на несчастье попасться вашей милости на глаза, когда вы голодны, или молодымъ господамъ, тѣмъ, что наверху въ гнѣздѣ, понадобится закуска—все кончено: васъ съѣдятъ. Все это болѣе, чѣмъ просто, и я, конечно, противъ всего этого ничего не могу возразить. Но почему всѣ, рѣшительно всѣ презираютъ и избѣгаютъ насъ? Почему называютъ противными? Скажите пожалуйста, развѣ въ хорошихъ платьяхъ, въ красивыхъ нарядахъ мы могли бы копаться въ сырой и темной землѣ? Развѣ мы могли бы справиться тогда съ нашей работой? Потомъ еще почему-то о насъ говорятъ, что тѣло у насъ ничего не чувствуетъ. Насъ насаживаютъ на крючки, чтобы удить рыбу... О, ваша милость, увѣряю васъ, тяжело подчасъ приходится и тому, кто старается изъ всѣхъ силъ, какъ можно лучше, исполнить свой долгъ.

— Гм... гм..!—произнесъ аистъ.—Ты довольно хорошо идешь къ своей цѣли. Заговорилъ и уже разжалобилъ меня.

— Тысячу благодарностей вашей милости,—сказаль червякъ и весь скорчился.—Видите ли, для дождевого червяка нѣтъ ничего болѣе пріятнаго, какъ, закончивъ дневную работу, лѣтнимъ сырымъ вечеркомъ выбратся наверхъ и поползать по землѣ. Но такой пріятный вечерокъ удастся провести очень и очень рѣдко. Люди ужъ черезчуръ жестоки. Вотъ, хотя бы, напрімѣръ, и пасторъ, который здѣсь жилъ. Добрый человекъ онъ былъ, а этого просто не понималъ. Я самъ слышалъ, какъ онъ сказалъ одному изъ своихъ мальчиковъ, наступившему на червяка, чтобы тотъ этого больше не дѣлалъ, потому что червяки отвратительны, и противно ихъ трогать. О томъ же, что и червяка надо пожалѣть, и что ему тоже больно,—онъ не сказалъ ни слова. А вотъ вы сказали, что я васъ разжалобилъ, рассказавъ вамъ про нашу горькую долю. Я вамъ за это очень, очень благодаренъ и въ благодарность могу оказать услугу и вашей милости.

— Только не возмечтай о себѣ!—предупредилъ аистъ и быстро сталъ на одну ногу.

— Ахъ, нѣтъ!—воскликнулъ червякъ.—Развѣ я не понимаю, до чего я ничтоженъ по сравненію съ вами? Мнѣ только хочется предупредить васъ о грозящей опасности.

— Мнѣ угрожаетъ опасность?—спросилъ недоувѣрчио аистъ.—Меня почитаютъ и оберегаютъ во всей странѣ. На меня никто не смѣетъ охотиться подъ страхомъ штрафа. Мнѣ сдается, что ты не въ себѣ, мой милѣйшій дождевой червякъ.

— Удѣлите мнѣ ваше вниманіе на одну только минуту!—сказаль червякъ.—Видите ли, мы роёмъ наши ходы повсюду и по всѣмъ направлѣніямъ, а такъ какъ насъ много, то здѣсь перерыта уже вся земля. Въ одномъ здѣшнемъ саду насъ около пятидесяти тысячъ.

— Однако,—произнесъ аистъ,—ты начинаешь своимъ рассказомъ возбуждать во мнѣ аппетитъ.

Червякъ тѣмъ временемъ поспѣшно поползъ въ нору.

— Куда ты?—спросилъ аистъ.

— Я боюсь дольше здѣсь оставаться, когда ваша милость вдругъ заговорила въ такомъ голодномъ тонѣ,—объясниль червякъ.

— Говори скорѣй, что ты хотѣлъ мнѣ сообщить,—приказаль нетерпѣливо аистъ.

Червякъ высунуль изъ норы одну голову и сказалъ:

— Я только хотѣлъ вамъ сообщить, что мы перерыли всю землю подъ домомъ. Онъ можетъ рухнуть каждую минуту.

— Ха! ха! ха!—разсмѣялся аистъ.

— Не смѣйтесь надо мной,—сказаль червякъ.—Я сказалъ чистую правду. Вы только подумайте о томъ, сколько насъ подъ землей. Когда дома разваливаются или даютъ трещины,—это, въ большинствѣ случаевъ, наша вина. А пасторскій домъ такой ветхій, что съ нимъ это можетъ случиться очень легко.

Аистъ все продолжалъ смѣяться. Ему захотѣлось ударить клювомъ червяка, но тотъ уже давно былъ глубоко—подъ землею.

Тогда аистъ полетѣлъ на крышу къ своей женѣ и сказалъ ей о смѣшномъ червякѣ, который хвастался, что можетъ разорить до самаго основанія и гнѣздо, и цѣлый пасторскій домъ.

— Съ такими существами не слѣдуетъ имѣть ничего общаго,—объявила аистиха,—иначе они сейчасъ же что-нибудь да навообразятъ себѣ.

— Слѣдующій разъ я его съѣмъ,—порѣшилъ аистъ.

Прошла цѣлая недѣля, а аистъ все еще не встрѣчался съ дождевымъ червемъ.

Однажды—это было въ жаркій лѣтній день—пара аистовъ сидѣла на крышѣ и поглядывала на своихъ птенцовъ, лежавшихъ въ гнѣздѣ.

— Они уже оперяются,—произнесла мать.

— Это какъ разъ во время,—замѣтилъ отецъ.—Лягушки становятся все болѣе и болѣе осторожными. Теперь ихъ ловить очень трудно. Сегодня утромъ мнѣ удалось поймать всего одну. Если я сегодня повстрѣчаюсь съ дождевымъ червемъ, я проглочу его, прежде чѣмъ онъ успѣетъ открыть ротъ.

— Ахъ, что это такое?—вдругъ забеспокоилась жена аиста.—Мнѣ показалось, что закачалась крыша.

— Да, что же это такое?—спросилъ и аистъ. И прежде, чѣмъ онъ это произнесъ, рухнулъ подъ нимъ весь домъ. Въ воздухѣ стало облако пыли, а пара аистовъ съ пискомъ поднялась въ высоту.

Отъ стараго дома осталась только куча камней, балокъ, да мусора. А подъ развалинами лежало гнѣздо. Всѣ птенцы погибли.

— Дѣти! Дѣти мои!—плакала мать.

Долго бродили по развалинамъ обѣ птицы. Стучали клювами по камнямъ и по штукатуркѣ, прислушивались, звали, но никто не отвѣчалъ: дѣти лежали слишкомъ глубоко и всѣ были мертвыя.

Вечеромъ аисты сидѣли на высокомъ деревѣ и говорили о постигшемъ ихъ горѣ.

— Дождевой червякъ!—вдругъ крикнулъ аистъ. Онъ вспомнилъ, какъ его предостерегалъ этотъ червякъ и пожалѣлъ, что не послушался его.—Но кто же могъ думать, что сумасшедшій червякъ говорить правду! Ну, а теперь нужно

какъ можно скорѣй его съѣсть. Онъ и его братья подрыли домъ, они виноваты въ смерти нашихъ малютокъ.

И обѣ птицы слетѣли на садовую дорожку и стали нѣжными голосами вызывать червяка.

— Вылѣзай, миленькій, не бойся ничего, дождевой червячекъ!—звалъ аистъ самымъ ласковымъ голосомъ.—И жена моя здѣсь со мной. Ей тоже хочется послушать интересные рассказы о томъ, какъ ты живешь въ землѣ.

Но земляной червякъ уползъ какъ только могъ поглубже въ землю, когда раздался грохотъ рухнувшего дома. Онъ не слышалъ, какъ его звалъ аистъ, и не видѣлъ, какъ обѣ птицы съ удрученнымъ видомъ водили по землѣ клювами.

Наконецъ, аисты улѣтѣли; отправились рассказывать сосѣдямъ о постигшемъ ихъ горѣ.

Когда же совсѣмъ стемнѣло, вылѣзъ червякъ изъ своей норы и съ наслажденіемъ растянулся на сырой травѣ.

— Какой тяжелый воздухъ! — сказалъ онъ самъ про себя.— Должно быть, будетъ ночью дождь. Ахъ, какъ жизнь прекрасна, и особенно хороша она стала съ тѣхъ поръ, какъ его аистовская милость выбыла отсюда. Хотя и былъ онъ господинъ ласковый, но я всегда побаивался, что вдругъ да ему захочется ѣсть.

Пастушка.

(Продолженіе).

Въ первый разъ я долго ждала, чтобы она вернулась сама. Я звала ее, стараясь сдѣлать свой голосъ ласковымъ. Наконецъ, рѣшила пойти ее искать, но ельникъ былъ такой частый, что я не знала, какъ черезъ него пробраться. Уйти, не узнавъ, гдѣ коза и что съ нею,—я тоже не могла. Мнѣ

показалось, что я узнаю мѣсто, куда она скрылась, и я направилась къ нему, держа руки передъ лицомъ, чтобы не расцарапать его. Сквозь раздвинутыя пальцы я почти тотчасъ же увидѣла козу. Она была совсѣмъ близко. Я протянула руку, чтобы схватить ее за рогъ, но она отступила, и раздвинутыя ею вѣтки, откачнувшись на прежнее мѣсто, съ силой ударили меня. Однако мнѣ удалось ее схватить, и я притащила ее назадъ въ стадо.

Каждый день она продѣлывала то же самое. Я гнала стадо какъ можно дальше отъ овса и бросалась ее преслѣдовать.

Коза эта была совершенно бѣлая и я находила, что она была похожа на одну изъ моихъ монастырскихъ подругъ Мадлену. У нея такъ же широко были разставлены глаза. Когда я заставляла ее выходить изъ ельника, она долго смотрѣла на меня неподвижнымъ взглядомъ. Въ эти минуты я думала: Мадлена превратилась въ козу. Случалось, что я умоляла ее не убѣгать и была увѣрена, что она понимаетъ мои упреки.

Разъ, вышла я изъ ельника съ растрепавшимися волосами и сдѣлала движеніе головою, отъ котораго волосы упали мнѣ на глаза. Коза тотчасъ же отскочила въ сторону, испуганно заблеявъ. А потомъ подбѣжала ко мнѣ, опустивъ рога. Я тоже наклонила голову, потрясая волосами, падавшими до самой земли, и коза обратилась въ бѣгство, выдѣлывая невозможные прыжки.

Каждый разъ, какъ она входила въ ельникъ, я мстила ей, пугая моими волосами.

Однажды хозяинъ Сильвэнь засталъ меня за этимъ занятіемъ. Онъ началъ хохотать до упаду, что меня очень смутило. Я сейчасъ же остановилась, стараясь подобрать и приколотъ на головѣ волосы.

Коза вернулась ко мнѣ. Смотрѣла на меня, вытягивая шею и ноги самымъ смѣшнымъ образомъ и готовясь убѣжать при первомъ моемъ движеніи. Фермеръ продолжалъ громко смѣяться, согнувшись въ три погибели. Видны были только его блуза, борода и большая шляпа. Отъ взрывовъ его смѣха мнѣ хотѣлось плакать и казалось, что онъ такъ навсегда и останется согнутымъ и будетъ безконечно хохотать.

Когда онъ, наконецъ, успокоился, то сталъ меня расспрашивать. Я ему рассказала про всѣ лукавства козы. Тогда онъ погрозилъ ей пальцемъ, снова засмѣявшись.

На другой день ее повела пасти Мартина. Но черезъ день уже объявила, что скорѣй откажется отъ мѣста, чѣмъ станетъ пасти эту козу, одержимую дьяволомъ.

Старая Бибишь увѣряла, что козъ надо бить, но я запомнила единственный ударъ палкой, на который разъ рѣшилась. Палка, ударившись о бока козы, издала такой странный звукъ, что я никогда больше не рѣшалась повторить удара.

Козу пустили свободно пастись возлѣ фермы и въ одинъ прекрасный день она исчезла.

Такъ и не узнали, куда она дѣлась.

XI.

Подходилъ Ивановъ день, и Евгенийъ сказалъ, что надо было свозить меня въ деревню, чтобы отпраздновать годовщину моего поступленія на ферму.

Для такого праздника фермерша подарила мнѣ желтое платье, которое носила сама, когда была молодой дѣвушкой.

Въ деревнѣ была только одна улица, въ концѣ ея находилась церковь. Мартина повела меня къ обѣднѣ, которая

уже началась. Она толкнула меня на скамью, а сама сѣла на скамью впереди меня.

Торжественное чувство, наполнившее меня при входѣ въ въ церковь, почти тотчасъ же исчезло. Двѣ женщины, сидѣвшія сзади меня, не переставали болтать о вчерашнемъ базарѣ, а мужчины, стоявшіе у входныхъ дверей, не стѣсняясь, громко разговаривали. Затихло все только, когда священникъ взошелъ на кафедру. Я думала, что онъ будетъ говорить проповѣдь, но онъ только объявилъ о предстоящихъ свадьбахъ. При каждомъ произносимомъ имени, женщины наклонялись то направо, то налево и улыбались.

Даже мысль о молитвѣ не пришла мнѣ въ голову. Я смотрѣла, какъ молилась Мартина, ставъ на колѣни. Темныя вьющіяся пряди ея волосъ выбивались изъ-подъ вышитаго чепчика. Плечи у нея были широкія, а бѣлый корсажъ былъ стянутъ у пояса черной лентой. Все ея существо производило впечатлѣніе свѣжести и здоровья. А настоятельница мнѣ говорила, что всѣ пастушки были такія неопрятныя!

И я вспомнила Мартину среди ея овецъ, въ короткой полосатой юбкѣ, въ хорошо натянутыхъ чулкахъ и деревянныхъ башмакахъ, обтянутыхъ кожей, которыя она чистила, какъ настоящую кожаную обувь. Но при этомъ она очень заботилась о своемъ стадѣ, и фермерша утверждала, что она знаетъ каждую овцу.

По окончаніи обѣдни, она оставила меня, подбѣжала къ какой-то старухѣ и съ нѣжностью поцѣловала ее. Потомъ я потеряла ее изъ вида и осталась одна, не зная, куда идти.

Невдалекѣ я увидѣла постоянный дворъ подъ названіемъ „Бѣлая лошадь“. Оттуда вылеталъ шумъ голосовъ и звонъ посуды. Люди входили туда кучками и на площади скоро никого больше не осталось.

Я собиралась вернуться въ церковь, чтобы подождать тамъ Мартину, какъ вдругъ увидала бѣгущаго Евгенія. Онъ взялъ меня за руку и проговорилъ, смѣясь:

— Если бъ не твое желтое платье, я бы про тебя навѣрное забылъ.

Онъ смотрѣлъ на меня насмѣшливымъ, веселымъ взглядомъ. Повелъ меня къ школьному учителю, прося дать мнѣ позавтракать и повести меня гулять со школьниками.

Школьный учитель былъ одѣтъ, какъ городскіе господа, а у Евгенія была синяя блуза, и я очень удивилась, услыхавъ, что они говорили другъ другу: „ты“.

Въ ожиданіи завтрака, школьный учитель далъ мнѣ книгу волшебныхъ сказокъ. И когда пришло время прогулки, мнѣ больше хотѣлось, чтобы мнѣ позволили остаться дома и дочитать книгу.

На деревенской площади парни и дѣвушки танцевали на солнцѣ и въ пыли. Я нашла, что они слишкомъ сильно раскачиваются и слишкомъ громко смѣются.

Во мнѣ поднималась какая-то огромная тоска. И когда, съ наступленіемъ ночи, повозка привезла насъ обратно на ферму, я почувствовала глубокое облегченіе, очутившись среди тишины и запаха луговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

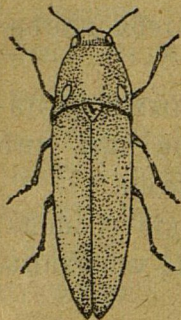
Изъ природы.

Ивановы червячки.

Ивановы червячки водятся по всему свѣту, и въ тропическихъ странахъ, гдѣ они летаютъ и свѣтятся особенно ярко, ихъ употребляютъ въ дорогѣ вмѣсто фонарей. Въ этихъ странахъ избѣгаютъ ходить днемъ и пускаются въ путь только

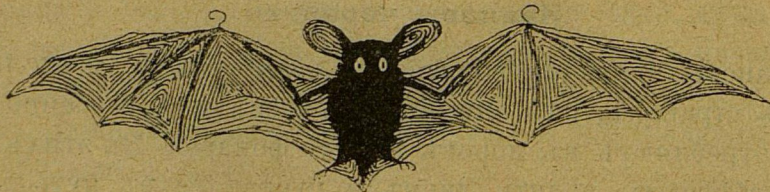
ночью, когда зной спадаетъ. Переходы по темнымъ лѣсамъ были бы очень затруднительны, еслибы путь не освѣщался свѣтящимися насѣкомыми. Они носятся тамъ во всѣхъ направленіяхъ, и ихъ такъ много, что весь воздухъ кажется пронизаннымъ искрами. Люди ловятъ такое насѣкомое, привязываютъ его къ ногѣ и идутъ съ нимъ, какъ съ фонаремъ. Фонарикъ этотъ не только освѣщаетъ путь, но еще и пугаетъ змѣй. Когда разсвѣтетъ, человекъ даетъ свободу насѣкомому и усаживаетъ его на какой-нибудь кустъ. У индѣйцевъ даже сложилась красивая поговорка: „Бери съ собой огненную муху, но съ утренней зарей возвращай ей свободу“.

Ручная летучая мышь.

Объ одной летучей мыши рассказываютъ слѣдующее.

Когда хозяинъ ея входилъ въ комнату, она встрѣчала его криками, и, если только онъ не бралъ ее и не начиналъ тотчасъ же ласкать, она взбиралась по его платью, терлась головой объ его руки и лизала ихъ. Если хозяинъ бралъ въ руки какую-нибудь вещь, летучая мышь внимательно разглядывала и обнюхивала ее, а когда онъ садился, она повисала на спинкѣ его стула и слѣдила глазами за всѣми его движеніями.

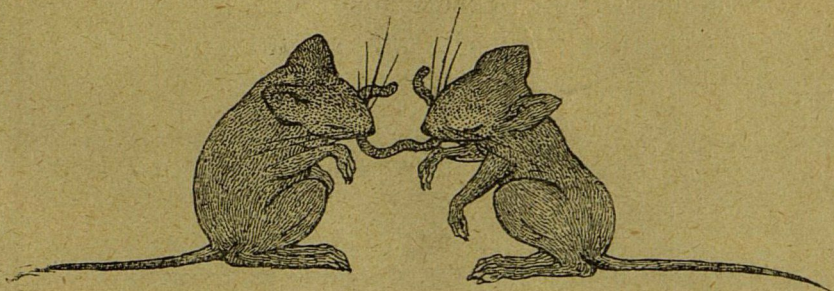

Мышиная колыбелька.

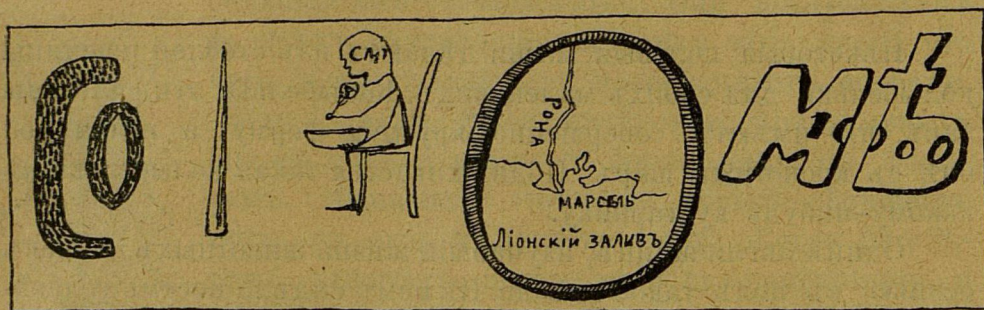
Нѣкоторыя полевыя мыши дѣлають изъ стеблей пшеницы колыбельки для своихъ маленькихъ. Колыбельки эти сплетены такъ, что имѣють совершенно круглую форму, а величиной онѣ съ крокетный шаръ. Подвѣшивается такая колыбелька къ какому-нибудь кустарнику.

Одинъ англичанинъ, изучавшій жизнь животныхъ, нашель осенью въ полѣ такое гнѣздо. Въ немъ сидѣло восемь голенькихъ слѣпыхъ мышатъ. Сидѣли они на пшеничной подстилкѣ, и стѣнки гнѣздышка тоже были выложены соломой. Вообще колыбелька была такъ прочно устроена и такъ туго набита, что ее можно было катать, и она не разваливалась, а мышата оставались все въ томъ же положеніи. Но самое удивительное въ этомъ гнѣздѣ было то, что никакъ нельзя было понять, гдѣ въ немъ входъ. Онъ былъ такъ остроумно закрытъ, что его такъ и не доискались, и какъ мать кормила въ этой колыбелькѣ своихъ дѣтенышей,—тоже такъ и не поняли. Думаютъ, что тамъ были незамѣтныя для человѣческаго глаза окошечки, которыя только сама мать умѣла открывать и закрывать. Въ мышиной жизни, какъ и во всякой звѣриной жизни, есть свои тайны.

Ребусъ № 6.

Шарада № 10.

Предлогомъ начинаюсь,
Конецъ мой—звѣря часть,
И было бы ужасно
Во все мое упасть.

Шарада № 11.

Легка шарада—скажу заранѣ:
Мое начало въ лѣсу найдется,
Конецъ мой буквою зовется,
А весь я дѣлаюсь для ткани.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низших учебных заведений и дѣтских пріютовъ *Вѣдомства Императрицы Маріи*.

Соловьева П. С. „Елка“. Стихи для дѣтей. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна въ обложкѣ 35 к., въ папкѣ 65 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библиотеки низшихъ учебныхъ заведений.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низшихъ учебныхъ заведений и дѣтских пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Соловьева П. С. „Семилѣтня“. Народныя сказки. Съ рисунками. Изданіе 2-ое. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к. *Ученымъ Комитетамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено* въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низшихъ учебныхъ заведений и дѣтских пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Допущено въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Свадьба Солнца и Весны“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 20 коп.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низшихъ учебныхъ заведений и дѣтских пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Допущено въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Разгадай-ка!“ Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Цѣна 25 к.

Соловьева П. С. „Березинныя именины“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Соловьева П. С. „Чудесная ночь“. Пьеса въ стихахъ. Цѣна 20 коп.

Соловьева П. С. „Первое апрѣля“. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Цѣна 10 к.

Соловьева П. С. „Няня“. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Цѣна 15 к.

Шалуръ Н. Л. „Люди и звѣри“. Съ рисунками. Цѣна 25 коп.

Франкъ Анатоль. „Пчелка“. Сказка. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низшихъ учебныхъ заведений и дѣтских пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библиотеки низшихъ учебныхъ заведений

Новыя изданія „Тропинки“.

Егоровъ Л. Н. „Исторія воздухоплаванія“. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Манаскина Н. И. „Овсянки“. Пять разказовъ для дѣтей. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Соловьева П. С. „Жизнь Хитролица“. (Изъ старо-французскаго эпоса). Въ стихахъ. Съ 170-ю рисунками Разбѣе. Цѣна въ обложкѣ 1 р. 70 к., въ папкѣ 2 р.

Соловьева П. С. „Царевна Земляничка“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 30 к.

Соловьева П. С. „Новый годъ“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 20 к.

Шведбергъ Е. І. „Пушкинскіе уголки“. Съ рисунками. Цѣна 20 коп.

Книгоиздательство беретъ на себя почтовые расходы только въ томъ случаѣ, если книгъ выписывается не менѣе, чѣмъ на 1 рубль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1911 г.

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

6-й годъ
изданія.

ТРОПИНКА

24 нп.
въ годъ.

Журналъ выходитъ 1 и 15 каждого мѣсяца въ 2—3 печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, путешествія, біографіи, историческія статьи, стихи, театральныя шессы, научныя статьи, вѣсти отовсюду, юмористическіе рассказы и стихи, смѣшныя картинки, ребусы, шарады и загадки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ **3 руб.**
съ пересылкой и доставкой

Въ редакціи имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты 1908 и 1910 гг. Комплекты 1906, 1907 и 1909 гг. все разошлись.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Въ Кіевѣ—въ Педагогическомъ книжномъ магазинѣ Пенкина. Владимірская, 53, противъ городск. театра. Тамъ же складъ изданій журнала „Тропинка“.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 36, кв. 26.

Телефонъ 497—55.

Редакторы-Издатели Л. Соловьева и Ж. Манаскина.

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Просимъ прочесть непременно.

Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворять не можетъ.

Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по средамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.